

Р ъ ч и,

сказанныя при погребеніи студента Колосови

I.

Дорогой другъ и товарищъ!

Всего три мѣсяца прошло съ той поры, какъ ты оставилъ нашъ тѣсный дружескій кружокъ, покинулъ работу, которой ты отдавался съ энергіей, съ юношеской горячностью, ибо тѣло твое, немощный сосудъ, отказывалось уже служить бодрой энергичной, любившей трудъ, душой. Ты, какъ добрый воякъ Христовъ, не сложили руки въ работѣ до той поры, пока недугъ, медленно подтачивавшій твое на вид цвѣтущее здоровье, не приковалъ тебя къ мучительному ложу близни; болѣе благоразумные совѣтовали тебѣ оставить работу, оставить Академію, къ которой ты былъ такъ крѣпко привязанъ, и въ кругу родныхъ искать отдыха и врачеваніе недуга, который медленно сжигалъ твою грудь. Ты не внималъ нашимъ просьбамъ: твоя душа жаждала работы, ты такъ хотѣлъ оставить стѣну дорогой Академіи въ неурочное время твоихъ стѣнъ, въ которыхъ протекли твои послѣдніе годы, лучшие годы.

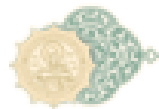
Все мы знали, дорогой товарищъ, о твоей болѣзни. Никто изъ насъ не вѣрилъ и вѣрить не хотѣлъ, что такъ скоро ты оставишь нашъ товарищескій кружокъ, оставишь все, къ чему былъ такъ привязанъ. Мы не вѣрили твоему скорому концу; этимъ объясняется то, что мы не всег-

внимательно относились къ тебѣ, что за работою, житейскою суетою, мы, собравшись тѣсною толпою у твоего одра, своимъ ласкою и участіемъ не скрасили твоихъ послѣднихъ тягостныхъ дней. Смерть твоя неожиданно поразила насъ всѣхъ.

Ты умеръ, дорогой товарищъ, и глубокою скорбію разплы сердце всѣхъ, кто такъ крѣпко любилъ тебя: плачетъ о тебѣ твоя мать по плоти, которая ожидала найти въ тебѣ опору и утѣшеніе въ жизни и дряхлой старости; скорбитъ о тебѣ и твоя мать по духу—наша Академія, ожидавшая въ тебѣ энергичнаго борца за ея идеалы—за свѣтъ, за правду и любовь, дѣятельнаго работника на благо Церкви; скорбимъ о твоей потерѣ и мы, твои товарищи, утратившіе въ тебѣ одного изъ лучшихъ друзей, лучшаго представителя нашей студенческой семьи. Да, ты по-истинѣ былъ такимъ: ты не бросался въ глаза, но заповѣди Христа, ты былъ кротокъ и смиренъ сердцемъ, ты незамѣтенъ былъ, но мы вѣрили и знали, что въ твоей груди бьется честное, отзывчивое на все доброе, а главное чистое сердце.

Ты свято берегъ званіе и достоинство студента, тебя глубоко оскорбляло все, что могло набросить тѣнь на званіе и достоинство студента, идеаль котораго живъ былъ въ твоёмъ сердцѣ. Ты былъ отзывчивъ на все: ты готовъ былъ всякому помочь; ты все хотѣлъ знать, всѣмъ интересовался, ты хотѣлъ познать жизнь, чтобы быть въ ней полезнымъ работникомъ. Ты любилъ и нашу студенческую семью, вѣрилъ въ нее. Горе, говорятъ, какъ и радость бывають эгоистичны; ты дѣлился съ нами и радостью и горемъ: мы помнимъ, какъ въ затруднительныя и тяжелыя минуты ты обращался къ товарищамъ, надѣясь найти въ насъ поддержку и утѣшеніе. И Господь одинъ разсудить, умѣли-ли мы отнестись къ тебѣ съ тою любовью и отзывчивостью, съ какою ты обращался къ намъ?

Ты умеръ, дорогой товарищъ, но умеръ только тѣломъ, ибо душа твоя, твой образъ витають здѣсь среди насъ и

ГЛ. III.

память о тебѣ никогда не выгладится изъ нашего сердца черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, всѣ мы, твои товарищи, и перелетныя птицы, разлетимся по разнымъ угламъ нашего необъятнаго отечества и могилы твоя зароснетъ травою, мы навсегда сохранимъ въ сердцахъ твой чистый юношескій образъ, и не забудемъ тебя!

Товарищи! Апостолъ возмъ намъ заботиться и друга тяготы носить, ибо всѣ мы виновны предъ Богомъ за всѣхъ. Почившій товарищъ нагъ оставилъ намъ не плаченный долгъ передъ родиной и Церковью; постараемся за него потрудиться на цѣль Христовой: то, что мы сдѣлать оумъ, то мы сдѣлаемъ за него въ молитвенное помянутое о немъ, и пусть эта ранняя безвременная смерть вдохновитъ насъ на добро, на трудъ, на все, что такъ близко любилъ почившій. Второй долгъ его, еще болѣе намъ долгъ предъ Богомъ, тотъ долгъ, отъ котораго никто бываетъ чистымъ, если и одинъ день жизни его. Помоги дорогіе друзья, чтобы живыми и мертвыми обладая Господомъ, неослабая на почившаго свое благоволеніе и прощенье, гладить грѣхи его, сопричисляя почившаго раба къ столу янгу своихъ святыхъ Апостоловъ. И если милосердіе Господь благостнымъ окомъ возрѣтъ на раба своего Гііа, то почившій товарищъ вспомнитъ и о насъ, его ученикахъ, и помолится за насъ и за нашу трудъ предъ столомъ Царя Царей.

Прости же намъ, дорогой нашъ товарищъ, прощай въкъ, до того невечерняго дня, когда Солнце правды востанетъ осіяетъ своимъ свѣтомъ всѣхъ любящихъ имя Иисуса Христа путями правды Его. Прощай!

В. Пестряковъ.

II.

Прости, дорогой незабвенный другъ и товарищъ!

Пройдетъ еще два мѣсяца, и прежде чѣмъ покинуть намъ нашу дорогую мать Академію, соберемся мы все вместе и также будемъ говорить другъ другу: „прости, товарищъ“! Но какъ разиться будетъ это „прости“ отъ того, которое приходится сейчасъ говорить тебѣ, почившій другъ! Правда, грустной же ноткой прозвучитъ и то прощаніе, оно также не будетъ свободно отъ невольной боли въ сердцѣ, отъ невольнаго сожалѣнія о разлукѣ, но и грусть и боль и сожалѣніе тогда будутъ утѣряться таящимся въ глубинѣ души сознаніемъ, что еще не на вѣки расстаемся мы, что, быть можетъ, когда-нибудь наши житейскія дороги пересѣкутся, что снова, какъ бывало, сойдемся мы, подѣлимся другъ съ другомъ житейскими радостями, поведаемъ другъ другу свои душевныя бѣды и житейскія невзгоды, что не послѣднее, слѣдовательно, „прости“ говоримъ мы другъ другу. Не таково то „прости“, которое приходится говорить тебѣ, почившій другъ, сейчасъ;—оно уже послѣднее въ этой жизни: въ немъ—одна печаль, одна скорбь, одно безутѣшное сознаніе, что не встрѣтимся уже мы noch этимъ небомъ и на этой землѣ, никогда уже не услышимъ твоего голоса и не узнаемъ о тебѣ и тяжелымъ камнемъ ложится оно на сердце, волнуется всю душу, вызываетъ вздохъ, гонитъ непрощенныя слезы... Грустно и тяжело намъ расстаться съ тобой!!! Тяжело?... Но легко ли тебѣ было уходить изъ жизни, когда ты только-что всталъ предъ дверями ея, съ замираніемъ сердца глядя на то широкое поле свободной дѣятельности на благо Церкви, Царю и Отечеству, къ которому ты такъ давно стремился и которое уже открывалось тебѣ. Все мысли твои и думы твои сосредоточены были на этомъ недалекомъ будущемъ; сладкими мечтами о немъ ты жилъ, ими наслаждался, ими подкрѣплялъ себя среди усилившаго и упорнаго учеб-

ного труда. Визна уже была эта желанная цѣль, немного уже времени оставалось до ея осуществленія; еще послѣдній подъемъ, еще послѣдній напоръ воды и твоя нога готова была твердо ступить на почву жизни, къ которой ты достигъ только приготовляясь... Но... пришла неумолимая смерть и, какъ прахъ, развеяла всѣ твои мечты и надежды; какъ молодое, расцвѣтшее, только-что готовое принести плоды зеренцо, скосила она тебя: и лежишь теперь ты „безгласный и бездыханный“. Вѣрить не хочется, что нѣтъ тебя больше съ нами, — что страшная смерть одержала побѣду надъ твоимъ всегда, повидямому, здоровымъ организмомъ! Но такъ, съ чѣмъ не мирится сознание, наглядно подтверждающее внѣшнія чувства. Это брѣнное тѣло, эти останки не намъ уже принадлежатъ: ихъ ждетъ принять въ свои холодныя объятія та земля, изъ которой всѣ мы созданы и въ которую всѣ же возвратимся: „земля бо еси и въ землю и отидеши“!...

Да неужели-жъ ничего не оставились ты намъ, твоимъ товарищамъ, нашъ дорогой усопшій? Ужели ничѣмъ не успокоить насъ въ нашей безутѣльной скорби, ничѣмъ не облегчить нашу печаль?

„Не скорбите и не печальтесь, друзья мои!“ какъ откликнуть бы ты изъ твоего молчаливаго гроба, если бы смерть, хоть на время освободила тебя изъ своихъ холодныхъ объятій, если бы уста твои получили способность сказать хоть нѣсколько утѣшительныхъ словъ. „Не навѣки расстаюсь я съ вами. Я только впередъ насъ иду туда, куда и вы рано или поздно придете. Господь зоветъ меня и я, всегда покорный Его волѣ въ этой жизни, иду исполнить ее, святую, и тамъ, за гробомъ. Не легко было мнѣ разставаться съ вами, не легко было сознавать, что я не буду вашимъ соучастникомъ на мнѣ Христовой, что не удастся мнѣ пожать плоды многолѣтнихъ трудовъ ученія и приготовленія къ жизни: но я никогда не забывалъ, что я гражданинъ иного міра, сынъ иного, небеснаго отечества, что обязанности, навлага-

мыя принадлежностью къ нему, неизмѣримо выше всѣхъ земныхъ обязанностей. Владыка небеснаго царства зоветъ меня теперь и, какъ ни тяжело мнѣ, я покорнымъ голосомъ отвѣчаю: „иду Господи! Буди Твоя святая воля“! Съ спокойной совѣстью покидаю я этотъ міръ со всѣми его тревожащими и житейскими интересами; все, что требовалъ отъ меня долгъ, я свято исполнялъ; я жилъ, какъ истинный христіанинъ и умеръ, какъ истинный сынъ Христовой Церкви. Не печаль, снѣдается теперь мой, свободный отъ тѣлесной оболочки, духъ, а небесная радость наполняетъ его... Отрите же свои слезы, друзья мои, и умѣрьте печаль! Въ любви я жилъ съ вами всегда, съ любовью же и расстаюсь съ вами. Проводите же съ любовью и вы меня; не смущайте мой духъ напрасными сѣтованіями; ни вамъ, ни мнѣ не принесутъ онѣ уже пользы. Предъ вами открываются двери земной жизни, а предо мною двери жизни небесной; вы ощущаете страхъ предъ неизвестностью будущаго, а я спокоенъ, ибо тайна бытія нашего уже открыта мнѣ и я знаю уже, что мнѣ уготовано. И ничего не могу вамъ оставить въ завѣщаніе, ибо нѣтъ у меня ничего. Одно только я и могу оставить вамъ,—это свою сердечную, задушевную просьбу о томъ, чтобы вы сохраняли въ своемъ сердцѣ добрую и свѣтлую память обо мнѣ. Исполните эту мою послѣднюю и единственную просьбу и это будетъ отрадно для меня; лучшаго и большаго отъ васъ я и не желаю. Отдайте же мнѣ послѣдній христіанскій долгъ съ спокойной душой, ибо не въ худшую, но въ лучшую небесную жизнь вы провожаете меня...

Успокой себя, отри свои слезы, подави болѣзненные вздохи, идущіе изъ груди и ты, моя дорогая, любящая и горячо любимая мать! Знаю, не легко тебѣ было, когда твой любовный взоръ съ сердечнымъ замираніемъ слѣдилъ за постепеннымъ потуханіемъ моихъ жизненныхъ силъ, когда дни и ночи, надорванный скорбью, сидѣла ты у изголовья твоего любимаго сына, какъ-бы горячею любовью желая согрѣть.

охлаждающееся тѣло, отстоять отъ смерти дорогое тебѣ чадо, когда ты невыносимо страдала, переходя отъ надежды къ отчаянію, отъ отчаянія снова къ надеждѣ... Знаю, не легко все это было перенести тебѣ при твоихъ уже надломленныхъ жизнью силахъ. Но ободрись и укрѣпись духомъ! Вспомни, что ты—сама смертная; смертное ты и родила. Что за наглость, что ты немного раньше, чѣмъ ожидала, растаешь со мной; что не я закрываю твои глаза, какъ бы слѣдовало по закону естества, а ты мои. Этого требуетъ воля Божія; покорись ей, какъ и я покорялся. *Побереги еще свои силы: они нужны для оставшихся въ живыхъ твоихъ дѣтей.* Вспомни, что тамъ, дома, тебя ждетъ истомленный горемъ любящій супругъ, а мой дорогой отецъ. Ободрись же сама и ты, подкрѣпи и его! Скажи ему, чтобы не скорбѣлъ онъ о своемъ сынѣ; повѣдай ему, что съ спокойной душой и съ любовью къ нему и ко всемъ на устахъ отошелъ въ вѣчную жизнь его любимый сынъ; что не страшна ему престолоу Судии, предъ которымъ предстоитъ онъ теперь; сообщи ему, что бодро и смѣло я иду, на тотъ путь, къ которому шлетъ меня Господь, иду, *примиренный съ Господомъ, съ людьми и со своею совѣстью, всеми прощаемый и всехъ прощающій!*

Такъ отвѣтилъ бы намъ всѣмъ предстонавшимъ при этомъ печальномъ гробѣ дорогой почившій, если бы могъ хоть на время преодолѣть законы естества. Вѣдь иначе, какъ такъ, не могъ бы отвѣтить тотъ, у кого интересы религіи и нравственности всегда стояли на первомъ планѣ, кто всю свою недолгую жизнь прожилъ тихо, кротко, любовно, чей открытій, выражающій всегда безконечную доброту и ласку, изоръ невольно притягивалъ къ себѣ всѣхъ. Неужели же мы не впечатлемъ этому умоляющему насъ голосу изъ гроба? Неужели и послѣ этого станемъ сокрушаться и сожалѣть о немъ, какъ безвременно и безцвѣтно погибшемъ другѣ? Нѣтъ, друзья и товарищи!!! Не этого онъ желаетъ отъ насъ и не этого мы можемъ почтить его! Послушаемъ его голоса, ободримся ду-

хомъ и, провожая его въ страну, откуда нѣтъ уже возврата, такъ скажемъ ему: „прости, нашъ дорогой другъ и товарищъ; прости, что невольнымъ вздохомъ, непрошенной слезой мы нарушили твой душевный покой; спи мирно въ твоёмъ гробѣ,—мы знаемъ теперь, что тебѣ лучше, чѣмъ намъ. Пусть весна пышно развиваетъ недолговѣчную красу природы, пусть ярко блистаетъ это предназначенное для земли солнце, пусть щебетанье птичекъ улаживаетъ слухъ нашихъ живущихъ на землѣ, пусть вся природа ликуетъ, празднуетъ свое пробужденіе отъ зимняго сна! Тебѣ уже безразлично это все; иная весна твоей жизни, иная, нескончаемая—наступила для тебя, иное солнце—солнце правды свѣтитъ тебѣ, улаждая твой духовный взоръ, иная райскія пѣсни слышишь ты, ласкающія твой духовный слухъ. Прости же, другъ и товарищъ! Не забывай насъ въ твоихъ молитвахъ, если будешь, имѣть дерзновеніе предъ престоломъ Всевышняго, а мы никогда не забудемъ тебя. Твой чистый, свѣтлый, безъ всякаго темнаго пятна образъ всегда будетъ жить въ нашей душѣ; и пока продлится наша жизнь, будемъ всегда возсылать ко Господу свои сердечныя молитвы, да поселитъ онъ тебя тамъ, „идеже праведницы сѣютъ яко свѣтила“, „идеже нѣсть болѣзнь ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная“.

Студ. IV курса В. Фалинскій.

III.

«Примите послѣднее изъясненіе лозвѣи, братіе, усершему, благодаряще Бога»

Возлюбленные братіе! мы собрались въ этомъ святомъ храмѣ для того, чтобы воздать послѣднее цѣлованіе, принести послѣднюю дань любви преждевременно почившему дорогому нашему товарищу, рабу Божію Георгію.

Скорбь облегла души наши при виде этого гроба, печаль сжимает сердце наше и слезы невольно текут из глаз...

Да, поразительное явление, хотя и не необычное! В то время, как вся природа празднует свое пробуждение от зимнего сна, стремится к новой жизни и расцветает, в то время, как само слово смерти кажется нам чуждым и странным для слуха звуком, — в это самое радостное время неумолимая смерть похищает нас среди нашей юности, едва-едва успевшего расцвести, похищает еще на утренней заре его жизни! Перед нашими глазами гроб с останками молодого человека, который только еще собирался пуститься в опасное плавание по бурному жизненному морю, но безжалостная смерть не допустила его до этого. Правда, в последнее время почивший наш товарищ *был* серьезно болен, но мог ли кто из нас предположить, что это близило к смерти, что она преодолест живучесть молодого и при том крепкого организма и так скоро, так преждевременно приведет его к роковому концу? И вот, когда мы встали и направились на его могилу, думали его увидеть, опыты из среды своей студенческой семьи здоровыми и веселыми, раздвигавшими с нами наши радости и горе, вместе с нами строящими планы будущего, мы видим его в гробу „бездыханна и безгласна“! И досель еще как-то не хочется верить, сознание не может привыкнуть к мысли, что его уже нет с нами. Но... неумолимый приговор произнесен и волею неволею, как все на земле, приходится предположиться перед совершившимся фактом. Грустно! Больно! Но что же делать? Пути Промысла Божия неисповедимы!...

Дорогой наш почивший товарищ! В последний раз мы смотрим на тебя в этом мире. Еще несколько часов, и гробовая крышка сокроет тебя от нас на века. Ты уходишь туда, „амо же вси человеци пойдомъ“. Что же

мы воздадимъ тебѣ, кромѣ скорби и печали о разлукѣ съ тобой, въ этотъ страшный послѣдній часъ? Принесемъ ли къ твоему гробу похвалы, которыя, обыкновенно, слышатся при гробахъ? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и у насъ нашлось бы чѣмъ прославить твое доброе имя, если бы мы пожелали вспомнить про твои добрыя дѣла, про высокія качества твоей души. Но какая польза отъ похвалъ даже для людей живыхъ, которыхъ жизнь, правда, иногда зависитъ еще отъ человѣческаго суда и одобренія, а тѣмъ болѣе для скончавшихся, которые имѣютъ предстать на страшный судъ правосуднаго Господа Бога, и для которыхъ чуждо все земное? И для тебя, переселившагося уже въ иную область, „откуда отбѣже всякая печаль и воздыханіе“, гдѣ нѣтъ мѣста земнымъ интересамъ, не нужно этихъ похвалъ. Поэтому, не будемъ тревожить твой смертный покой суетными похвальными словами человѣческими. Но во всякомъ случаѣ, не могу не сказать сѣдующаго. Есть люди, которые съ перваго же знакомства съ нами непонятно привлекаютъ къ себѣ, располагаютъ въ свою пользу; не всегда отдаешь себѣ отчетъ, въ чемъ собственно ихъ привлекательныя черты,—только чувствуешь невольную симпатію къ нимъ, заглядываешь въ нихъ сродныхъ тебѣ, близкихъ лицъ. Такимъ именно человекомъ явился для меня ты, дорогой другъ, въ первые же дни моего знакомства съ тобою, а послѣдующая совместная жизнь только утвердила испи въ моихъ первыхъ впечатлѣніяхъ отъ твоей личности, въ моей симпатіи къ тебѣ, сѣла въ болѣе сознательнымъ это чувство. Доброе незлобивое сердце, простота и непритязательность въ общеніи, общая деликатность твоего характера,—вотъ, мнѣ думается, тѣ черты, которыя прежде всего такъ влекли къ тебѣ, дѣлали изъ тебя добраго товарища и заставляли видѣть въ тебѣ человека, съ которымъ можно, какъ говорить, жить душа въ душу, то-есть, можно поговорить по душѣ, подѣлиться своими радостями и горестями, мечтами и наде-

людям. Незабвенны для меня тѣ неоднократныя бесѣды, которыя мы вели съ тобою въ часы досуга между занятиями; незабвенны для меня онѣ не столько своимъ содержаниемъ, сколько именно личностію моего собесѣдника, симпатичнаго, добраго, сердечно-отзывчиваго. Но довольно! Вѣдомо похвала святая мати наша Церковь Христова указываетъ намъ на нѣкую дань, которую мы должны принести къ твоему гробу. „Прійдите“, призываетъ она насъ, „последнее цѣлованіе дадимъ, братіе, умершему, благодаряще Бога“. Прійми же отъ насъ, дорогой другъ и товарищъ, послѣднее прощальное, скорбное цѣлованіе, какъ знакъ нашей искренней любви и глубокаго уваженія къ тебѣ! Прими и послѣднее наше сердечное пожеланіе: да проститъ тебѣ Господь всѣ твои прегрѣщенія возможныя и невозможныя; да будешь ты удостоенъ на странномъ и праведномъ судѣ Христовомъ услышать кроткій, журчащій гласъ Господень: „любѣ блжій и вѣрный, о малѣ Ми былъ еси вѣренъ, малъ мзвѣнъ ты поставлю, выиди въ радость Господа твоего“ (Мт. XXV, 23.); „прійди ко Ми и Азъ упокою тѣ.“

Да будетъ тебѣ вѣчная память, дорогой другъ, товарищъ и хорошій человекъ! Аминь.

Студентъ IV курса Александръ Черняховскій.